

Дмитрия Хворостовского в Кузбассе любят. И не только потому, что он – один из лучших оперных певцов планеты, звезда с мировым именем. Но еще и потому, что сибирская публика по праву считает его своим. Родился-учился певец в Красноярске (окончил Красноярскую академию искусств), в Красноярском театре оперы и балета начинал карьеру... И хотя сегодня прославленный баритон живет в Лондоне, поет на лучших сценах мира (его гастрольный график расписан на несколько лет вперед),

приглашение из Кузбасса Дмитрий Хворостовский принял охотно.

- Похоже, это уже становится традицией: День шахтера в Кузбассе отмечают гастролями Хворостовского. За пять дней вы дадите пять концертов, в пяти шахтерских городах (Новокузнецк, Прокопьевск, Киселевск, Ленинск-Кузнецкий и Кемерово). Насколько вам самому интересна наша публика? Не утомителен ли такой плотный график работы?

- Ну о чем вы говорите, какая усталость? Шахтеры гораздо большим напряжением работают, от железки до железки каждый день... А петь – это же любимое дело. Когда занимаешься любимым делом – не устаешь.

Вообще хочу сказать, мое прошлогоднее выступление в Кузбассе перевернуло представления об искусстве. Когда я пел на площади под проливным дождем, стояли люди и НИКТО, ни один человек не ушел, недослушав... Не знаю, я бы такого не выдержал. И потом, когда на сцену поднялся совершенно мокрый от дождя губернатор Тулеев, мокрой ручицей пожал мою, вручил орден и взял слово, что я еще непременно сюда приеду, – я понял, что это действительно надо сделать. И не только потому, что я привык держать слово. Просто такое отношение к музыке дорогого стоит.

- Дмитрий Александрович, а когда вы поняли, что обладаете необыкновенным голосом?

- Да я вообще не считал свой голос необыкновенным! Голос как голос. Просто умею этим голосом пользоваться. Очень долго и много учился этому, да и сейчас учусь.

- В вашем репертуаре более тридцати оперных партий, причем совершенно разных по стилю, направлению... Вы поете и Россини, и Римского-Корсакова, и Верди, и Моцарта. Георгий Свиридов посвятил вам свой камерный вокальный цикл «Петербург», написанный на стихи Блока... А недавно вы записали диск военных песен советских лет. Не трудно так «прыгать» из жанра в жанр, из стиля в стиль?

- Во-первых, я не считаю, что Моцарт и Верди так уж категорически различны. Россини и Пахмутова – да... А во-вторых, мне нравится менять жанры, менять амплуа. Я – человек интересующийся, мне это интересно.

- Где-то читала, что цена на билеты на ваши

рождественские концерты в московском Доме музыки доходила до ста тысяч рублей. А кузбасские концерты будут почему?

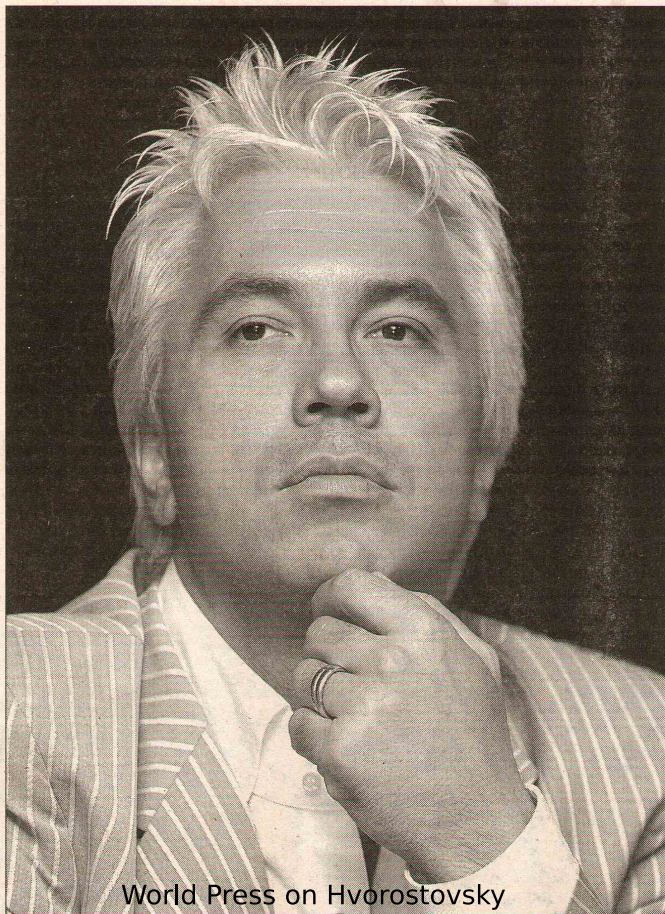
- Бесплатно. Это – не столицы и не Америка. Вот там недавно прошел тур, от Нью-Йорка до Майами. Билеты стоили 300-400 долларов.

- В Италии в XVIII веке было принято такое правило: если певец становился знаменитым (а следовательно, богатым), он всю жизнь платил содержание (что-то вроде пенсии) своему учителю музыки. Говорю об этом потому, что меня очень интригуют ваши необыкновенно трогательные отношения с вашей преподавательницей музыки из Красноярской академии искусств Екатериной Константиновной Иофель. Говорят, она до сих пор хранит ваши учебные дневники, программы... А правда, что вы, когда Е.К.Иофель потребовалась дорогостоящая операция за границей, проплатили ей все лечение и даже подарили норковую шубку?

- Это же вовсе не потому, что я чем-то обязан! Просто родным людям надо помогать. Нас же с Екатериной Константиновной связывают не только пять лет учебы, но и длительная дружба, и очень теплые, доверительные отношения. А в том,

Дмитрий ХВОРОСТОВСКИЙ:

«Готов петь под проливным дождем»

World Press on Hvorostovsky

Фото Юрия Юрьева.

«Мое прошлогоднее выступление в Кузбассе перевернуло все мои представления об искусстве. Когда я пел на площади под проливным дождем, стояли люди и НИКТО, ни один человек не ушел, недослушав... Не знаю, я бы такого не выдержал. И потом, когда на сцену поднялся совершенно мокрый от дождя губернатор Тулеев, мокрой ручицей пожал мою, вручил орден и взял слово, что я еще непременно сюда приеду, – я понял, что это действительно надо сделать».

что близким надо помогать, когда им трудно – я убежден.

- Ваша блистательная карьера началась с конкурсов: в 1987 вы получили Гран-при на Всесоюзном конкурсе имени Глинки, в 1988 – взяли Гран-при в Тулузе (Франция), потом был телевизионный конкурс, организатором ВВС, где была одна-единственная награда – звание «Певец года», и ее получили вы... Интересно, а если бы в вашей жизни не было этих кон-

курсов, вы бы до сих пор пели в красноярской опере?

- Не думаю, что я бы остался солистом Красноярского оперного театра. Потому что я сам бы этого не захотел. Да, возможно, карьера сложилась бы иначе, но я бы в любом случае добивался (и добился бы!) чего-то большего.

- Если попытаться найти причину вашей успешности, то чего здесь больше: природного дара? везения? каких-

то волевых усилий?

- По-моему, для успеха этого всего должно быть в достатке. Везет, как правило, тем, кто этого заслуживает. Да, безусловно, я был удачлив в начале своей карьеры. Но я три раза подряд взял Гран-при на трех разных конкурсах – наверное, это о чем-то говорит, скажите? Не только о везении, правда?

Когда я победил на конкурсе имени Глинки, передо мной открылась одна дверь, возможность поехать на международ-

ный конкурс в Европу. Когда взял Гран-при в Тулузе – приоткрылась другая... Появились первые зарубежные контракты, приглашения. А в Кардиффе, на конкурс ВВС, меня отправила Ирина Архипова. Я не хотел туда ехать – готовился к другому конкурсу. Она буквально заставила: «Ты ОБЯЗАНА, больше никто не справится!» (это был телевизионный конкурс, там свои сложности).

- Наверное, Архипова понимала силу вашей телегенности, артистического обаяния. Не случайно, по версии американского журнала «People», вы не так давно были признаны одним из 50 самых красивых мужчин планеты. Но это я к слову. Продолжайте, пожалуйста.

- Я просто хочу сказать, что в начале карьеры удача заключается еще и в том, чтобы в тебя поверили великие. Когда великие люди, как Ирина Архипова, дарят тебя своим отношением, доверием, уверенностью в твоих успехах (пусть и авансом, пусть еще не за-

служенно), то многое получается).

- А вы свою карьеру планировали с юности?

- Поначалу, в юности, планировал плохо. Потом научился это делать лучше.

- И с детства мечтали стать мировой звездой оперной сцены?

- Я вырос в семье профессиональных музыкантов, отец был пианистом и прекрасным певцом, так что к оперной классике привык с детства.

- А как вы относитесь к такому мнению, что столицы обирают провинцию? И мировые столицы – Париж, Лондон, где вы сейчас живете, – обирают Россию как провинцию тоже?

- Но ведь мировой звездой нельзя стать, живя в Красноярске!

- Так вот то-то и обидно!

- Кому обидно?

- Мне, как жителю провинциального города Кемерово...

- А вам не обидно, что если бы я остался в Красноярске, вы бы никогда меня не услышали? Не узнали?

- Да, пожалуй... А как вы относитесь к тому, что традиции хорового пения потихоньку уходят из народной жизни? Да и невозможно петь хором те песни, которые сегодня звучат с эстрады?

- Нравится нам это или не нравится, песня – это всегда некий фьюжн. Это смесь разных мелодий, звучащих вокруг человека. Мелодика нашей жизни изменяется – изменяются и песни. А потом, не забывайте, что хоровое пение в России имеет еще и религиозную традицию. Это прежде всего церковное пение. В Самаре, где я недавно был на гастролях, мы обсуждали такой проект: устроить большой тур по России с хором Попова. И именно выступать в храмах. Выступать с религиозной музыкой. Наша православная церковь, правда, очень строга и достаточно консервативна... Но ведь музыка и религия очень близки. Так что, я думаю, затея эта вполне может осуществиться.

- В завершение интервью не могу удержаться, чтобы не задать личный вопрос. У вас жена – француженка Флоранс, двое детей...

- У меня трое детей: два сына-близнеца от первого брака и младший наш с Флоранс, ему сейчас три года.

- А старшим?

- По десять лет.

- Все эти сыновья общаются между собой?

- Конечно. Хотя возможность ее встреч не так много, стараемся все их использовать.

- Оперный певец, относясь к своему организму как к рабочему инструменту, вынужден постоянно себе в чем-то отказывать. Из тех ограничений, какие вы на себя налагаете, какое самое трудное?

- Голос беречь. Говорить надо меньше.

- Что ж, намек понятен. Интервью закончено.